

Научная статья. Исторические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-011-025

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЕ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Евгений Александрович КАНАЕВ¹, Лю Синтао²

¹ИМЭМО РАН, Москва, Россия, e.a.kanaev@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

²РАНХиГС, Москва, Россия, xt83tree@aliyun.com,
<https://orcid.org/0000-0003-0545-0089>

Аннотация: В статье анализируется эволюция функционирующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) систем обеспечения безопасности: коллективной безопасности и безопасности на основе сотрудничества. Рассмотрены становление и генезис этих систем, выявлены факторы их трансформации, определено влияние мега-проектов Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) и Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) на каждую из них. Научная новизна работы состоит в синергии анализа особенностей азиатско-тихоокеанских систем безопасности и эволюции проектов Индо-Тихоокеанский регион и Инициатива «Пояс и Путь», что не было предметом специального изучения. С точки зрения авторов, развитие проекта ИТР ведет к снижению эффективности как американоцентричных альянсов, так и асеаноцентричных структур многосторонней дипломатии, в то время, как ИПП, привнося разобщающий эффект в отношения между участниками американоцентричной системы «оси и спиц», усиливает позиции АСЕАН как координатора АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Тем самым укрепляется и основа для нейтральной и инклюзивной повестки многосторонних переговоров как ключевого фактора функционирования асеаноцентричной системы безопасности на основе сотрудничества.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, коллективная безопасность, безопасность на основе сотрудничества, Индо-Тихоокеанский регион, Инициатива «Пояс и Путь», нейтральность, инклюзивность*

Для цитирования: *Канаев Е.А., Лю Синтао. Азиатско-тихоокеанские системы безопасности: динамика и факторы развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2022, Том 2, № 2 (55). С. 11–25. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-011-025*

Original article. Historical science

THE ASIA-PACIFIC SECURITY SYSTEMS: THE DYNAMICS AND THE DEVELOPMENT FACTORS

Evgeny A. KANAEV ¹, Liu Xingtao ²

¹IMEMO RAS, Moscow, Russia, e.a.kanaev@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7988-4210>

²RANEPА, Moscow, Russia, xt83tree@aliyun.com,
<https://orcid.org/0000-0003-0545-0089>

Abstract: The article traces the evolution of the Asia-Pacific security systems: the collective security system and the cooperative security system. The formation and the evolution of those systems are scrutinized, the factors behind their transformation are revealed, the influence of the mega-projects Indo-Pacific Region (IPR) and the Belt and Road Initiative (BRI) on both systems is clarified. The academic novelty of the paper stems from a synergy of analyzing the specificity of the Asia-Pacific security systems and the evolution of the Indo-Pacific Region and the Belt and Road Initiative, which has not been sufficiently explored to date. The authors argue that the IPR leads to a decrease in efficiency of both the US-led alliances and the ASEAN-led multilateral venues, while the BRI, bringing a dividing effect on relations between the members of US-led “hub-and-spoke system”, improves positions of ASEAN as the coordinator of ARF, ADMM+8 and the EAS. As a result, the foundations for the neutral and inclusive agenda of multilateral negotiations as a key factor of the ASEAN-led cooperative security system are strengthening.

Keywords: *Asia-Pacific Region, collective security, cooperative security, Indo-Pacific Region, Belt and Road Initiative, neutrality, inclusivity*

For citation: Kanaev E.A. Liu Xingtao. The Asia-Pacific Security Systems: The Dynamics and the Development Factors. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2022, T. 2, № 2 (55). Pp. 11–25. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-011-025

В 2020–2022 гг. началась новая фаза глобальных перемен. Не вдаваясь во все детали проходящих в мире процессов, отметим главное: в диалоге между наиболее влиятельными глобальными акторами соперничество имеет тенденцию к усилению. Одновременно повысилось влияние на глобальную экономику, политику и безопасность со

стороны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где тенденции к сотрудничеству выражены достаточно сильно.

Вместе с тем, развитие самого АТР носит нелинейный характер. На фоне ресурсных проектов экономического регионализма нарастают китайско-американские противоречия, глобальная составляющая которых проявляется все более отчетливо. Далеки от урегулирования долгосрочные вызовы региональной безопасности: ядерные наработки Северной Кореи, комплекс противоречий вокруг Южно-Китайского моря и освоения ресурсов реки Меконг и иные.

В таких условиях обстановка в АТР будет зависеть от эволюции двух существующих там систем безопасности. Первая из них – система коллективной безопасности, представленная альянсами между США и их союзниками в Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана – Японией, Южной Кореей, Таиландом, Филиппинами и Австралией. В научной литературе эта система получила название «оси и спиц» (*hub-and-spoke system*): «осью» выступают США, а «спицами» – остальные участники. Вторая – система безопасности на основе сотрудничества, которую составляют Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС). Повестку заседаний этих диалоговых форматов, равно как координацию их действий, определяет Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

На обе системы оказывают большое влияние американский и китайский мега-проекты Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) и Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) соответственно. Анализ трансформации азиатско-тихоокеанской системы коллективной безопасности и системы безопасности на основе сотрудничества важен для понимания будущей эволюции региона и характера его влияния на мировые процессы.

Американоцентричные альянсы: эволюция и современные вызовы

Азиатско-тихоокеанская система коллективной безопасности, представленная альянсами между США и их азиатско-тихоокеанскими союзниками, является значимым фактором региональной формирования региональной среды. Конечную цель функционирования этой системы можно суммировать в виде трех взаимосвязанных приоритетов, разделяемых всеми ее участниками. Первый из них – предотвратить возникновение сильного конкурента, способного бросить вызов американскому доминированию, а в последнем, хотя и

в разной степени, заинтересованы все партнеры Вашингтона. Второй – поддерживать, а в идеале наращивать, отрыв от конкурентов с точки зрения военно-силовых и технологических возможностей. Третий, интегрирующий первые два, но который уместно выделить отдельно, состоит в поддержании сложившегося в отношениях между наиболее влиятельными региональными игроками статус-кво при помощи системы альянсов как инструмента выполнения этой задачи.

Оформление системы «оси и спиц» состоялось в 1950-е – начале 1960-х годов. Причиной послужило, прежде всего, стремление создать «оборонительный редут» из военных баз на территории союзников, тем самым предотвращая возможность повторения событий Перл-Харбора времен войны на Тихом океане, к которым американское командование оказалось не готово. Сыграло роль и образование в США и ЮВА социалистических государств и начало межкорейского конфликта. По сумме этих обстоятельств США было необходимо осуществлять мониторинг развития обстановки на тихоокеанском пространстве, сведя к минимуму фактор расстояния. До настоящего времени эта система не претерпела существенных изменений, если не считать пересмотра отношений Вашингтона с Тайбэем после принятия «Закона об отношениях с Тайванем и китайско-американского «Коммюнике 17 августа» в 1979 и 1982 гг. соответственно.

Поскольку альянсы были продуктом «холодной войны», в биполярный период их цель состояла в том, чтобы сдерживать распространение влияния социалистических стран. В пост-биполярные годы участники альянса столкнулись с необходимостью уточнить его миссию. Таковая естественным образом переориентировалась на Китай и стала заключаться в том, чтобы сдерживать его региональные, а с учетом роста значимости АТР для глобального сотрудничества и развития, и глобальные амбиции. Значимым приоритетом стало поддержание в АТР безопасности посредством недопущения провокаций со стороны партнеров Вашингтона (примером чего может служить Тайвань), а также содействие американскому подключению к обсуждению угроз региональной безопасности, что проявилось на примере противоречий из-за Южно-Китайского моря. Все вместе это нацелено на закрепление силового и технологического отрыва участников системы альянсов от конкурентов.

Вместе с тем, ни в годы «холодной войны», ни после ее окончания, не были устранены «узкие места» азиатско-тихоокеанской системы коллективной безопасности. Отсутствуют каналы эффективной коммуникации между участниками «системы оси и спиц» и не входя-

цами в нее странами, что само по себе способствует появлению у последних опасений о намерениях США и их союзников на Тихом океане. Показательный пример – во время и непосредственно после формирования Восточноазиатского саммита и Совещания министров обороны АСЕАН+8 Китай рассматривал эти диалоговые площадки в качестве инструмента американского давления. Причина состояла в том, что участниками этих диалоговых площадок стали все члены системы «оси и спиц», а также страны, с которыми Вашингтон активно развивал военные связи – Индия, Вьетнам и другие. Не менее важно и иное: характер функционирования альянсов предполагает достижение выгоды для членов замкнутого клуба, состоящего из Вашингтона и его партнеров, а не для всего региона. Это противоречит, в частности, курсу АСЕАН на нейтральность и инклюзивность многостороннего сотрудничества.

Хватает разногласий в отношениях и между самими партнерами Вашингтона. Хрестоматийный пример – японо-южнокорейские противоречия по широкому спектру вопросов, от различных трактовок событий Второй мировой войны до территориального спора из-за принадлежности скал Лианкур в Японском море. По этой причине Япония и Республика Корея, будучи американскими союзниками в Северо-Восточной Азии, не наладили военное сотрудничество между собой. Несмотря на активизацию взаимодействия между Токио и Канберрой, равно как укрепление диалога между «спицами» по ряду направлений, Япония, Южная Корея, Филиппины и Таиланд не являются участниками разведывательного альянса «Пять глаз». В этот альянс входят США, Австралия, Новая Зеландия, Канада и Великобритания, и его назначение состоит в мониторинге обстановки в южной части Тихого океана¹. Такое отсутствие координации, как минимум, не укрепляет азиатско-тихоокеанскую систему коллективной безопасности.

Наконец, основным недостатком этой системы можно считать ее антикитайскую направленность. То, как Поднебесная выстраивает отношения с азиатско-тихоокеанскими партнерами Вашингтона, повышает их мотивацию к сотрудничеству (во всяком случае – к наращиванию экономических обменов), естественным образом снижая заинтересованность в конфронтации с Китаем.

Отдельный и исключительно важный вопрос касается технического и технологического аспектов системы коллективной безопасности в АТР. С этой точки зрения показательно, что договор о сотрудничестве между США, Австралией и Великобританией (AUKUS) поста-

вил вопрос об активизации аналогичных связей между США и другими участниками американских альянсов. Заслуживает внимания пример Японии: в январе 2022 г. министры обороны и иностранных дел Австралии и Японии объявили о подписании Рамочного соглашения о сотрудничестве в развитии военных технологий, в чем аналитики усмотрели прямую связь с запросом, направленным в Пентагон Министерством обороны Японии о более интенсивной совместной реализации проектов в области безопасности. Для Токио это особенно важно, учитывая не лучшие результаты сотрудничества с Вашингтоном по линии Программы иностранных военных поставок США (*US Foreign Military Sales program*), а также нацеленности Японии на развитие собственного промышленного и технологического потенциала в оборонной сфере². Это актуально и для системы коллективной безопасности в целом, учитывая рост расходов КНР на национальную оборону и явления, получившего в экспертной среде название «технонационализм»³.

На фоне таких ожиданий своих азиатско-тихоокеанских партнеров маловероятно, что отклик Вашингтона будет им в полной мере соответствовать. И дело даже не в том, что США в возрастающей степени концентрируются на внутренней повестке развития, а украинский кризис и конфронтация с Россией требует все больше их внимания. Главное – у Вашингтона нет убедительной «большой идеи», способной сплотить участников системы коллективной безопасности на пространстве Тихого океана и дать им веские аргументы, что следовать в фарватере американской политики будет и впредь соответствовать их интересам. На данный момент просматривается обратное – усиление китайского влияния на ключевые аспекты экономики, политики и безопасности АТР объективно подталкивает американских партнеров к тому, чтобы проводить водораздел между политическими декларациями и практикой конкретных дел. Под первым понимаются обязательства перед Вашингтоном, под вторым – долгосрочные, стратегические по своему характеру приоритеты собственного развития, на которое все заметнее влияет Китай.

Асеаноцентричные диалоговые форматы: ставка на нейтральность и инклюзивность

Азиатско-тихоокеанская система безопасности на основе сотрудничества, выстраиваемая усилиями Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), является во многом антиподом системы коллективной безопасности в АТР. Асеаноцентричные форматы фор-

мировались в иных условиях и для решения принципиально иных задач.

Структурно система безопасности на основе сотрудничества может быть представлена в виде своеобразного треугольника: его основание составляют Региональный Форум АСЕАН и Совещание министров обороны АСЕАН+8, а вершину – Восточноазиатский саммит⁴.

После окончания «холодной войны» Ассоциация, воодушевленная своим вкладом в урегулирование камбоджийской проблемы, задумалась о новых «историях успеха». Таковые ей виделись в создании общерегионального диалогового формата по вопросам безопасности, основным назначением которого стал бы мониторинг международной обстановки в АТР и поддержание региональных угроз (а в том, что они будут сохранять свою актуальность, у АСЕАН сомнений не было) в управляемом состоянии. В результате АСЕАН, уловившая запрос на такой переговорный формат и осознававшая свои преимущества – а основным из них была нейтральная повестка сотрудничества, позволявшая Ассоциации пригласить к столу переговоров максимальное количество участников – взяла на себя инициативу в создании такой диалоговой площадки. После своего запуска она получила название Региональный Форум АСЕАН (АРФ).

За почти три десятилетия своей деятельности АРФ продемонстрировал как способность находить компромисс между большим числом участников переговоров (в настоящее время их двадцать семь), так и отсутствие заметных результатов в урегулировании региональных проблем. В первом случае стоит отметить нейтральную и инклюзивную повестку сотрудничества: АСЕАН как координатор АРФ выстраивает обсуждения на подчеркнuto деидеологизированной основе и избегает давления в любой из его форм. Но это же является и причиной недостатков АРФ: за время своего существования Форум не смог оказать существенного влияния на эволюцию азиатско-тихоокеанских угроз безопасности, будь то проблема Южно-Китайского моря, Тайваня или ядерных разработок Северной Кореи⁵.

Осознание ограниченных возможностей АРФ пришло к его участникам уже на втором заседании Форума, когда Китай заблокировал обсуждение проблемы Южно-Китайского моря на брунейской сессии АРФ в 1995 г.⁶. Впоследствии это впечатление усилилось: АРФ ожидаемо не смог предотвратить развитие северокорейских ядерных программ, несмотря на присутствие представителей КНДР в АРФ с 2001 г., или систематическую эскалацию китайско-японских и китайско-американских отношений. Тем не менее, умалять значимость Фо-

рума для региона было бы не вполне правомерно. Основная причина такова, что АРФ собирает большое количество участников обсуждений актуальных проблем региональной безопасности и ставит акцент на укреплении мер доверия, а это именно то, в чем регион в современных условиях нуждается больше остального⁷.

Вторым углом основания асеаноцентричного «треугольника» является Совещание министров обороны АСЕАН+8. Его создание восходит к декабрю 2004 г., когда индонезийская армия блестяще себя проявила в ликвидации последствий землетрясения и цунами, обрушившихся на Южную и Юго-Восточную Азию, в результате чего состоялось формирование Совещания министров обороны АСЕАН. Но в последующие годы Ассоциация осознала недостаточность этих усилий: события в Мьянме весной 2008 г., когда ее руководители отказались от помощи партнеров по АСЕАН во время ликвидации последствий тайфуна Наргиз, активизация политики Китая в Южно-Китайском море, а главное – предложения премьер-министра Австралии К. Радда о необходимости создания Азиатско-Тихоокеанского сообщества, подтолкнули Ассоциацию к формированию диалоговой площадки, где вопросы безопасности обсуждались бы уже между представителями военных ведомств АСЕАН и ее партнеров по диалогу. Это было институционально оформлено в октябре 2010 г. с созданием Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8.

Хотя СМО АСЕАН+8 не смогла справиться с возложенными на нее задачами более успешно, чем это делал АРФ – если под успешностью подразумевать выработку консенсусных решений по актуальным проблемам АТР и их последующее урегулирование, – тем не менее, она внесла определенный вклад в укрепление региональной безопасности. Участники СМО АСЕАН+8 создали семь экспертных рабочих групп – по морской безопасности, противодействию терроризму, гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческим операциям, военной медицине, гуманитарной противоминной деятельности и кибербезопасности⁸. Эти группы прагматично выстраивают те направления сотрудничества, в которых реально, а не декларативно, заинтересованы их участники. В качестве примера можно отметить совместные мероприятия по ликвидации последствий стихийных бедствий: поскольку СВА, ЮВА и южная часть Тихого океана расположены в пределах т.н. «Тихоокеанского огненного кольца» – зоны повышенной сейсмической активности – всевозможные природные катаклизмы наподобие ураганов, землетрясений, наводнений, тайфунов и т.п. происходят там регулярно. То, что СМО

АСЕАН+8 проводит скоординированные мероприятия по, например, ликвидации стихийных бедствий и техногенных катастроф и спасению на водах, встречает позитивный отклик в государствах США, ЮВА и южной части Тихого океана.

Наконец, вершиной асеаноцентричного треугольника системы безопасности на основе сотрудничества выступает Восточноазиатский саммит (ВАС) – диалоговая площадка с участием глав государств и правительств входящих в нее стран. Движение к созданию ВАС началось во второй половине 1990-х гг. и было сопряжено с жаркими дебатами относительно состава участников, приоритетностью реализации конфликтовавших инициатив экономического регионализма и прочих вопросов. Тот факт, что запуск ВАС состоялся, и заседания этой площадки проходят на постоянной основе, можно считать весомой заслугой Ассоциации. Равно как последующее расширение состава участников Саммита: в настоящее время их восемнадцать.

Вместе с тем, ожидания от ВАС значительно превысили практическую отдачу от его деятельности. Несмотря на то, что в состав Саммита входят главы государств и правительств наиболее влиятельных стран АТР, эта диалоговая площадка не смогла выработать эффективных решений по купированию остроты региональных проблем и гармонизации отношений между крупными азиатско-тихоокеанскими игроками: США и Китаем, Китаем и Индией, США и Россией и пр. В условиях нарастающей поляризации региональной обстановки АСЕАН становится все сложнее выступать эффективным координатором заседаний этого многостороннего формата.

Оценивая не отдельные компоненты асеаноцентричной системы безопасности на основе сотрудничества, представленной АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, а ее функционирование в совокупности, можно отметить двойственный характер достигнутых результатов. С одной стороны, эти структуры, безусловно, способствовали укреплению доверия между участниками переговоров, проводя обсуждения на инклюзивной и подчеркнуто деидеологизированной основе. С другой стороны, у этой системы до недавнего времени отсутствовала экономическая основа. Ее создание произошло в 2012–2020 гг., а полноценное функционирование началось с января 2022 г. Речь идет о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве⁹.

Объективная оценка ВРЭП мало зависит от формальных показателей этой инициативы, хотя на ее участников приходится 30% мирового ВВП (25,8 трлн долл. США) и более четверти мировой торговли товарами и услугами (12,7 трлн долл. США)¹⁰. Но на АТЭС приходит-

ся больше и того, и другого, а инициативы Форума, в частности, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли, ощутимо буксуют. Так что судьба ВРЭП будет зависеть от того, в какой мере Ассоциация станет его эффективным координатором. В свою очередь, это определяется нынешними и перспективными возможностями Экономического сообщества АСЕАН.

ИТР и ИПП: последствия для азиатско-тихоокеанских систем безопасности

В контексте рассмотренных систем безопасности, представленных американскими альянсами и асеаноцентричными диалоговыми форматами, возникает логичный вопрос о влиянии на них со стороны американского и китайского мега-проектов – Индо-Тихоокеанского региона и Инициативы «Пояс и Путь» соответственно. Учитывая нарастание вызовов, с которыми сталкиваются американская и АСЕАНовская системы безопасности, данные инициативы важны именно с точки зрения поддержания механизма воспроизводства этих систем.

Применительно к влиянию ИТР на систему американоцентричных альянсов представляется очевидным, что развитие ИТР будет вести к дальнейшей поляризации международной среды, в которой альянсы функционируют. Пропорционально этому будут нарастать и проблемы в отношениях Вашингтона с партнерами, равно как этих партнеров между собой. Эти отношения и без того далеко не безоблачные, примером чего служат противоречия США с Таиландом и Филиппинами. Обострение регионального соперничества едва ли будет способствовать укреплению сотрудничества привело к разногласиям между КНР и Австралией в 2020-м – начале 2022 года. Не лучшим образом поляризация региона скажется и на реализации многосторонних инициатив экономического сотрудничества, в которых участвуют американские союзники. Ключевой из таких инициатив является ВРЭП, куда входят, помимо прочих стран, Япония и Южная Корея, не имеющие двустороннего соглашения о свободной торговле и трехстороннего соглашения о ЗСТ Япония – Республика Корея – Китай.

Не менее важна оценка влияния, оказываемого ИТР на асеаноцентричную систему многостороннего диалога. Как отмечено выше, эта система имеет неоспоримое преимущество, что обуславливает запрос на нее со стороны партнеров Ассоциации – нейтральность повестки заседаний, деидеологизированный характер обсуждений, консенсусный подход к принимаемым решениям и реализации согласо-

ванных мероприятий. Но выстраивание диалога на такой основе требует важного условия: наличия управляемой международной среды, когда партнеры АСЕАН готовы сотрудничать с ней и друг с другом именно на основе предлагаемых Ассоциацией принципов. ИТР способствует снижению управляемости международной среды и эскалации противоречий между КНР и участниками Четырехстороннего оборонного формата (ЧОФ, *Quad*), а также между Китаем и странами, потенциально способными присоединиться к ЧОФ. В качестве таковых эксперты называли Южную Корею, Вьетнам и Новую Зеландию, а ЧОФ именовали ЧОФ Плюс (*Quad Plus*)¹¹.

В свою очередь, Инициатива «Пояс и Путь» тоже оказывает влияние на азиатско-тихоокеанскую систему коллективной безопасности и безопасности на основе сотрудничества.

Применительно к ИПП и американским альянсам, можно отметить снижение мотивации партнеров Вашингтона к сотрудничеству с ним в ущерб своим экономическим интересам. Характерным примером служат Филиппины: после визита Р. Дутерте в КНР в октябре 2016 года, во время которого состоялось подписание соглашений о крупных инвестиционных проектах Китая на Филиппинах, филиппинский президент всеми силами стремился отмежеваться от противоречий между Манилой и Пекином по Южно-Китайскому морю. Заслуживает внимания и пример Австралии, которая поставлена в ситуацию выбора между ожиданиями США следовать в фарватере их политики и собственными приоритетами, которым отвечает наращивание экономического сотрудничества с КНР.

Последняя позиционирует американские альянсы как основной фактор, подрывающий развитие региона. Аргументом служит не только то обстоятельство, что участники альянсов поставлены в ситуацию выбора между Вашингтоном и Пекином и несут потери, прежде всего – экономические, от нарастающего американо-китайского соперничества. Главное – Китай подчеркивает: альянсы создают недружественное окружение Поднебесной, в результате чего она не может полноценно сконцентрироваться на своем экономическом развитии, проявлением чего является ИПП, а это по умолчанию предполагает расширение инструментов развития и ее партнеров. Таким образом, заключает Китай, поскольку альянсы подрывают реализацию ИПП, они контрпродуктивны не для каких-либо отдельных стран АТР, а именно для региона в целом.

Насколько этот аргумент убедителен, можно судить на примере влияния Инициативы «Пояс и Путь» на асеаноцентричную систему

безопасности на основе сотрудничества. ИПП носит комплексный характер и не ограничивается исключительно экономическим взаимодействием. На основе ИПП Китай стремится сформировать в ЮВА условия, способствующие реализации своих долгосрочных политических интересов. Это означает, что эволюция ключевых угроз безопасности азиатского юго-востока, а это прежде всего противоречия из-за Южно-Китайского моря и вокруг освоения ресурсов реки Меконг, будет проходить по устраивающему Китай сценарию. Не менее важны для Поднебесной и последствия реализации Цифрового шелкового пути в ЮВА, предполагающей перевод предприятий этих стран на китайскую ИКТ-продукцию, а потребителей – на товары китайского производства¹². Иными словами, Поднебесная стремится максимизировать отдачу от реализации ИПП в ЮВА, будь то ее политическое, военное или экономическое измерение.

В этом контексте важно не то, что КНР преследует собственные интересы в отношениях с государствами ЮВА: это естественно и закономерно. Более значимо иное: что Китай готов давать взамен, и насколько это важно для его партнеров на азиатском юго-востоке. Основой ИПП было и остается строительство трансграничной инфраструктуры, наличие которой является ключевым фактором превращения ЮВА в единое пространство ведения производственной и коммерческой деятельности, привлекательное для крупного бизнеса. Но такое строительство очень затратно: по оценкам Азиатского банка развития, в 2016-2030 на реализацию инфраструктурных проектов в ЮВА потребуется 2.8 триллиона долларов¹³. Осознавая эту реальность и реагируя на нее, в ноябре 2019 года Ассоциация заключила с Китаем соглашение о сопряжении Генерального плана АСЕАН по наращиванию взаимосвязей и Инициативы «Пояс и Путь»¹⁴. Это убедительно свидетельствует о заинтересованности АСЕАН в тех ресурсах, которые ей может дать сотрудничество с Китаем.

Повышение экономических возможностей АСЕАН положительно скажется на ее позициях координатора площадок многостороннего диалога АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. В предстоящие годы для Ассоциации это тем более важно, что ей придется решать задачу, равной которой по сложности в ее практике еще не было, – координировать сотрудничество между участниками ВРЭП. Ассоциация осознает масштабность этого вызова, равно как то, что степень успешности ее политики в отношении ВРЭП будет напрямую проецироваться на ее политический статус и ведомую ее усилиями региональную систему безопасности на основе сотрудничества.

Таким образом, дальнейшее развитие ИТР и ИПП ведет ослаблению системы коллективной безопасности в АТР. Что же касается влияния этих мега-проектов на азиатско-тихоокеанскую систему безопасности на основе сотрудничества, то оно носит двойственный характер: ИТР способствует снижению значимости АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС в приоритетах их участников, в то время, как ИПП, хотя и непрямым образом, содействует укреплению этих диалоговых форматов.

Выводы

Анализ эволюции системы коллективной безопасности и системы безопасности на основе сотрудничества в АТР, а также влияния на них со стороны мега-проектов ИТР и ИПП, подталкивает к ряду обобщающих оценок.

Существующие в регионе системы – это состязание, а в чем-то и противостояние, политически ангажированной и нейтральной повесток многостороннего сотрудничества. В этом противостоянии система коллективной безопасности проигрывает: у США нет «большой идеи», способной сплотить союзников. Поэтому Вашингтону не остается ничего иного, кроме «накачивания» антикитайских настроений в диалоге с этими странами в качестве, фактически, единственного консолидирующего мотива.

Система безопасности на основе сотрудничества функционирует без системных сбоев. Однако Ассоциации не хватает ресурсов, прежде всего – экономических, для повышения своего статуса координатора заседаний АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. От того, как будет развиваться ВРЭП, зависит дальнейшая эволюция не только асеаноцентричной системы многостороннего диалога, но и АТР в целом.

Мега-проекты ИТР и ИПП оказывают существенное влияние на трансформацию рассмотренных выше систем региональной безопасности. Однако это влияние неодинаково. Если ИТР усугубляет существующие расколы между участниками американоцентричной системы «оси и спиц», а также между ними и остальными странами региона, то ИПП вносит весомый вклад именно в то, во что необходимо для продолжения переговоров на нейтральной и инклюзивной основе – в укрепление экономических возможностей АСЕАН. Это позитивно сказывается и на ведомой усилиями Ассоциации азиатско-тихоокеанской системы безопасности на основе сотрудничества.

Осознание этой реальности проясняет вопрос о роли Китая в трансформации двух систем региональной безопасности и – говоря

шире – АТР в целом. Китайская политика, по крайней мере, на своем нынешнем этапе, нацелена на укрепление именно нейтрального и инклюзивного трека сотрудничества, поддерживаемого усилиями АСЕАН. Насколько можно судить по предварительным результатам, это встречает поддержку со стороны региональных партнеров КНР, объективно подталкивая их к дальнейшему наращиванию сотрудничества с Поднебесной.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

КАНАЕВ Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦАТИ ИМЭМО РАН, Москва, Россия

ЛЮ Синтао, аспирант кафедры всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, Москва, Россия

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 27.05.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny A. KANAEV, DSc (History), Leading Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS), Moscow, Russia

LIU Xingtao, postgraduate student of the Department of World History, School of Contemporary Humanitarian Studies, Institute of Social Sciences, RANEPА, Moscow, Russia

Contributions of the authors: the authors contributed equality to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 05.05.2022; approved 12.05.2022; accepted to publication 27.05.2022.

¹ Подробнее см.: Tossini V. The Five Eyes – The Intelligence Alliance of the Anglosphere. UK Defence Journal. April 14, 2020. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/the-five-eyes-the-intelligence-alliance-of-the-anglosphere/>

² Corben T., Lee P. Fancy Footwork: Biden's Two-Step Approach to Indo-Pacific Allies. The Diplomat. March 16, 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/03/fancy-footwork-bidens-two-step-approach-to-indo-pacific-allies/>

³ Ford L., Goldgeier J. Retooling America's Alliances to Manage the China Challenge. Brookings Report. January 25, 2021. URL: <https://www.brookings.edu/research/retooling-americas-alliances-to-manage-the-china-challenge/>

⁴ Подробнее см.: Дисбалансы транстихоокеанского пространства / отв. ред. В. В. Михеев, В. Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. – М.: Магистр, 2014. С. 122-139.

⁵ Канаев Е.А., Падерина С.А. Региональному Форуму АСЕАН – 25 лет. // Запад–Восток–Россия 2019. Ежегодник / Отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 137-141.

⁶ Подробнее о роли АРФ в эволюции противоречий из-за Южно-Китайского моря см.: Whasun Jho, Soo A Chae. Hegemonic Disputes and the Limits of the ASEAN Regional Forum. // Pacific Focus. Vol. XXIX. № 2. P. 237-259.

⁷ Chalermphanupap T. State of Play of the ARF@25. ASEAN Focus. 2018. Issue 5. P. 6-7. URL: <https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/pdfs/ASEANFocus%20Oct%202018.pdf>

⁸ About the ASEAN Defence Ministers. URL: <https://admm.asean.org/index.php/about-admm/about-admm-plus.html>

⁹ Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. URL: <https://rcepsec.org/legal-text/>

¹⁰ RCEP Agreement Enters into Force. ASEAN Secretariat. January 1, 2022. URL: <https://rcepsec.org/legal-text/> <https://rcepsec.org/2022/01/14/rcep-agreement-enters-into-force/#>

¹¹ Patton S. Does the Quad Plus Add up? The Interpreter. March 21, 2022. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/does-quad-plus-add>

¹² Подробнее см.: Канаев Е. А., Терских М. Перспективы вьетнамо-китайских отношений и «Цифровой Шёлковый путь» в Юго-Восточной Азии // Вьетнамские исследования. 2020. Т. 2. № 4. С. 5-15.

¹³ Цит. по: Understanding Infrastructure Opportunities in ASEAN. PwC Infrastructure Series Report 1. 2017. P. 16. URL: <https://www.pwc.com/sg/en/publications/assets/cpi-mas-1-infrastructure-opporuntities-in-asean-201709.pdf>

¹⁴ ASEAN-China Joint Statement on Synergising the Master Plan on ASEAN Connectivity (MPAC) 2025 and the Belt and Road Initiative (BRI). The ASEAN Secretariat News. November 3, 2019. URL: <https://asean.org/asean-china-joint-statement-on-synergising-the-master-plan-on-asean-connectivity-mpac-2025-and-the-belt-and-road-initiative-bri/>